

НИКОЛАЙ ТРАПШ

Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи

в контексте формирования региональной модели
модернизации (1810–1917 гг.)

В настоящее время одним из наиболее распространенных методологических подходов к анализу отечественного исторического процесса являются различные теории модернизации, рассматриваемые современными исследователями в качестве реальной альтернативы формационной концепции¹. В контексте указанного обстоятельства особый интерес представляет последовательное применение модернизационной парадигмы в процессе комплексного исследования региональной истории, объективное содержание которой не в полной мере соответствует магистральным тенденциям предшествующего развития российского общества и государства. В новейшей отечественной историографии имеется определенный опыт подобной исследовательской практики, важнейшие результаты которой получили отчетливое выражение в коллективных монографиях, подготовленных авторским коллективом Института истории и археологии Уральского отделения РАН². Однако, как представляется, принципиальное значение имеет комплексное изучение модернизационных процессов в рамках отдельных регионов (Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия), инкорпорированных в состав Российской империи в XIX столетии и отличавшихся специфическим характером социально-экономического, политического и культурного развития. В указанных исторических областях традиционные институты обладали высокой устойчивостью, что определило естественное формирование особой модели региональной модернизации, которая в определенной степени отличается от сложившихся стереотипов в оценке указанного процесса. Несомненной актуальностью от-

¹ См., например, Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история, 2003, № 5; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения. // Вопросы философии, 2000, № 4; Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизации процесса. М., 1996; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

² См., например, Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Опыт российских модернизаций. XVIII – XX вв. // Под редакцией академика Алексеева. М., 2000.

личается и исследовательская задача, связанная с последовательным определением реальной связи между процессами инкорпорации и модернизации, протекающими синхронно в рамках конкретного региона. В данном контексте необходимо учитывать также и то существенное обстоятельство, что и Россия в XIX столетии находилась на очередном этапе собственной модернизации, что оказывало значительное влияние на ее политику по отношению к инкорпорированным территориям³.

Объектом предлагаемого исследования является последовательная инкорпорация Абхазии в социально-экономическую и политическую систему Российской империи, происходившая одновременно с первым этапом формирования региональной модели модернизации. Хронологические границы указанных процессов определяются двумя знаковыми событиями – в значительной мере формальным включением Абхазского княжества в состав России в 1810 г. и Февральской революцией 1917 г., ознаменовавшей начало нового периода в историческом развитии национальных окраин. Как представляется, модернизация в рассматриваемом регионе имела неорганический характер, что определялось реальной политикой российской администрации, предполагавшей качественную трансформацию традиционных социально-экономических и политических институтов и постепенную унификацию общего направления развития имперского центра и присоединенных территорий. Вследствие указанного обстоятельства региональный модернизационный вектор был направлен не на последовательное формирование классического индустриального общества европейского типа, а на выборочную реконструкцию местных социумов, объективное содержание которой детерминировалось стратегическими интересами России.

Комплексное рассмотрение процессов модернизации и инкорпорации целесообразно начать с обобщающей характеристики институциональной структуры Абхазского княжества, сложившейся к началу XIX столетия. В рассматриваемый период в Абхазии существовала своеобразная модификация традиционного общества, интегрировавшая характерные черты родового строя и так называемого «горского феодализма»⁴. Основным элементом местной экономической системы являлось сельское хозяйство, имевшее преимущественно натуральный характер. Скотоводство и ремесло имели подсобное значение, а торговля вообще рассматривалась большинством населения как недостойное занятие⁵. Для большинства населения наиболее престижными видами деятельности являлись охотничий промысел и военное дело, что в большей

³ См., например, Российская модернизация XIX – XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Политические исследования, 1998, № 2; Крупина Т.Д. Теория модернизации и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX века. // История СССР, 1971, № 1.

⁴ См., например, Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.

⁵ См., например, Дзидзария Г.А. Домашняя промышленность и ремесло в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, т. XXIX. Сухуми, 1958; его же Развитие торговли в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, т. XXVIII. Сухуми, 1957.

степени соответствует так называемой «военной демократии», а не классической модели феодальной формации.

Социальная структура абхазского общества также отличалась значительным своеобразием по сравнению с сословным строем эпохи феодализма, основанным на отчетливой дифференциации отдельных корпоративных групп. По мнению С.З. Лакоба, «к моменту присоединения к России Абхазия занимала промежуточное положение между демократическими вольными обществами горцев Северо-Западного Кавказа и феодальной системой Грузии»⁶. Действительно, в рассматриваемом социуме присутствовала определенная общественная стратификация, однако, малочисленная феодальная корпорация в значительной степени формально являлась доминирующей сословной группой. Определяющую роль в социально-экономическом и политическом развитии абхазского общества играли свободные крестьяне-общинники («анхаю»), которые составляли большую часть местного населения. В условиях фактического отсутствия феодальной собственности на землю и крепостного права они обладали значительной свободой хозяйственной деятельности, которая определяла достаточно высокий уровень материального благосостояния и общественной значимости указанной корпорации⁷. Как представляется, традиционное равноправие различных по социальному статусу землевладельцев являлось важным фактором, способствовавшим естественной консолидации абхазского общества и длительному сохранению его специфической институциональной структуры.

Однако вековые традиции хозяйственного взаимодействия не были единственным фактором, определявшим монолитность и устойчивость рассматриваемого социума. Длительное сохранение большесемейной общины привело к естественному появлению территориальных кланов, социальная стратификация в которых нивелировалась посредством разветвленных родственных отношений и целенаправленного развития института «аталычества». Повседневные взаимоотношения между отдельными клановыми сообществами осуществлялись в соответствии со сложившимися нормами обычного права, а владельцы князья приобретали значительные властные полномочия только в случае серьезной военной опасности. Немецкий путешественник Ф. Боденштедт, дважды посетивший Абхазию в середине XIX столетия, охарактеризовал внутреннее развитие местных социумов следующим образом: «... влияние князей ... всегда было весьма ограниченным. Лишь немногие кланы подчинялись им. Большая часть народа продолжала жить в своеволии, не признавая никакого другого права, кроме кровной мести, до тех пор, пока стране не стали угрожать сильные враги. На время войны князь признавался главным предводителем и все добровольно объединялись под его знаменем»⁸. Фактически и представители местного дворянства, и свободные крестьяне, и даже домашние рабы составляли единую общину, социальная стратификация в рамках которой имела формальный характер.

⁶ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 11.

⁷ См., например, Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 г.). Сухуми, 1958.

⁸ Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. М., 2002. С. 116.

По мнению грузинского историка и общественного деятеля К.Д. Мачавариани, «в Абхазии между высшими и низшими сословиями не было того антагонизма и той отчужденности, какие существовали в Гурии, Имеретии и Грузии»⁹. Следует заметить, что даже религиозные различия между мусульманскими и христианскими сообществами проявлялись исключительно в прибрежных областях, тогда как в горных районах практически безраздельно господствовало язычество, также являвшееся важнейшим фактором общественной консолидации. Таким образом, к началу инкорпорационных процессов в Абхазии существовала специфическая модель традиционного общества, существенно отличавшаяся от феодальных социумов Западной Европы и России, ставших объектами модернизации в различные периоды Нового времени. Указанное обстоятельство определило последовательное формирование особых модернизационных механизмов, адаптированных к региональным особенностям и функционировавшим в зависимости от внешних факторов.

Инкорпорационные процессы встретили ожесточенное сопротивление горских сообществ, которое выразилось как в длительной вооруженной борьбе с российской администрацией и ее местными сторонниками, так и в специфическом явлении махаджирства. Формальное присоединение Абхазского княжества к России в 1810 г. вызвало первую волну вынужденной миграции, в рамках которой пять тысяч местных жителей переселились на территорию Османской империи¹⁰. В дальнейшем практически каждая неудачная попытка вооруженного противодействия царской администрации вызывала массовое махаджирство, которое приобрело наибольший размах после завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В предшествующей отечественной историографии в качестве главных причин вынужденной эмиграции горских сообществ рассматривались колонизаторская политика российского самодержавия и активные действия турецкой агентуры, направленные на последовательное оформление русофобских настроений и поддержание постоянной напряженности в присоединенных районах Северного и Западного Кавказа¹¹. Безусловно, указанные факторы сыграли важнейшую роль в рассматриваемом процессе, но подобный подход не в полной мере учитывает специфические особенности внутреннего развития местных социумов. Как представляется, публичная власть в горских сообществах основывалась не столько на имущественной дифференциации, сколько на устойчивом функционировании традиционных социально-политических институтов, появление которых было вызвано, прежде всего, реальным наличием постоянной внешней угрозы, а не объективными экономическими процессами. Появление российской военной и гражданской администрации разрушало сложившиеся представления о властных структурах, как принципиальном инструменте повседневной

⁹ Мачавариани К.Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. С. 95.

¹⁰ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 11.

¹¹ См., например, Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20 – 70-е гг. XIX века). М., 1955; Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. Тбилиси, 1972.

реализации нормативного содержания обычного права, а, следовательно, препятствовало естественному развитию общественных отношений. Применительно к Абхазии имеющиеся источники свидетельствуют о том, что трансформация традиционной социально-политической системы стала важнейшим фактором, определившим ожесточенное сопротивление инкорпорационным процессам и последующее махаджирство. По свидетельству одного из представителей российской военной администрации, «стремление к переселению в Турцию служило и служит в этом населении выражением протеста против всякой правительственной меры, которая покажется для него почему-то неприятною или же тягостною»¹². По-видимому, предложенная в отечественной историографии принципиальная идея о том, что массовое махаджирство осуществлялось в результате непосредственного влияния общественной элиты на широкие слои местного населения, приобретает в контексте предшествующих рассуждений новое объективное звучание. Действительно, устойчивый авторитет князей и клановых старейшин, подкрепленный специфической системой родственных отношений, являлся весомым фактором в реальной жизнедеятельности абхазского общества. Вследствие указанного обстоятельства насильственное устранение национальной аристократии от властных полномочий стало одной из важнейших причин массового махаджирства, так как турецкие эмиссары обещали сохранить сложившуюся систему общественных отношений в случае добровольной миграции на территорию Османской империи. По мнению Г.А. Дзидзария, «... тяготение вековой традиции и обычного права... приводило к тому, что если влиятельное лицо переселялось в Турцию, то за ним следовали не только самые близкие люди, но и многие псевдородственники и зависимые крестьяне»¹³. Первичная же модернизация предполагает качественную трансформацию устойчивых институтов традиционного общества (в частности, изменение роли обычного права и обновление правящей элиты), а потому следует признать, что соответствующие процессы стали одним из важнейших факторов, определивших неизбежное начало вынужденной миграции коренного населения Абхазии.

Необходимо выделить также и то существенное обстоятельство, что естественная связь модернизационных явлений и массового махаджирства имела двойственный характер. Состоявшееся переселение значительной части абхазских горских сообществ способствовало дальнейшему развитию первичной модернизации, проявившейся в последовательном формировании новой модели региональной экономики и общественных отношений. Объективным результатом массового махаджирства стала «этническая революция», в ходе которой национальный облик местного населения претерпел существенные изменения¹⁴. Целенаправленная переселенческая политика

¹² Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению 1863–1869 гг. СПб., 1870. С. 43.

¹³ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 9.

¹⁴ См., например, Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001; Инал-ипа Ш.Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX века // Советская этнография, 1990, № 1; Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989; Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

российской администрации привела к постепенному освоению пустующих территорий армянскими, греческим, немецкими и украинскими колонистами, большинство которых ориентировалось на последовательное развитие товарного сельского хозяйства, а также внутренней и внешней торговли¹⁵. Подобное коренное изменение экономического развития стало важным шагом в процессе первоначального формирования индустриального общества, поэтапное складывание которого является естественной целью модернизационных процессов. Изменившаяся национальная структура местного населения снижала реальное значение традиционных социальных институтов, которые продолжали функционировать только в рамках автохтонного этноса. Более того, она объективно способствовала качественному изменению сложившихся отношений внутри абхазских горских сообществ, которые были вынуждены адаптироваться к новым условиям повседневной жизнедеятельности.

Целенаправленная деятельность российской гражданской администрации, стремившейся коренным образом преобразовать традиционный облик инкорпорированной территории, не ограничивалась созданием благоприятных условий для контролируемой миграции из других регионов. После подавления активного вооруженного сопротивления региональное хозяйство получило своеобразные государственные инвестиции, направленные на строительство современных дорог и портовых сооружений, а также комплексное развитие городской инфраструктуры¹⁶. Российское правительство поощряло и самостоятельные проекты частных лиц, связанные с масштабными капиталовложениями в местную экономику. Отчетливыми результатами подобной политики стали начало разработки Тваркчальского угольного бассейна и открытие Кодорского лесозавода (1898 г.), обеспечившего качественную переработку ценных пород местной древесины. Однако, капиталистические отношения, характерные для индустриального общества, в рассматриваемом регионе развивались, прежде всего, в сельском хозяйстве. Следует заметить, что крестьянская реформа 1870 г. по объективному содержанию существенно отличалась от аналогичных мероприятий, проводившихся в центральной России и в рамках других национальных окраин¹⁷. «Положение о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве населения в Сухумском отделе» ликвидировало фактически не существовавшее крепостное право и способствовала началу принципиальных изменений в аграрной сфере, полностью изменивших привычный уклад жизни коренного населения Абхазии. Местные крестьяне должны были заплатить значительный выкуп (от 40 до 120 рублей) за собственное личное освобождение, который разрешалось заменить отбыванием натуральных повинностей в течение четы-

¹⁵ См., например, Ионида Н.Н. Греки и абхазы. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми, 1990; История Абхазии. Гудаута, 1993.

¹⁶ См. Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960; Шавров Н.А. Обзор производительных сил Кавказского наместничества за 1879 г. Тифлис, 1880.

¹⁷ См., например, Авидзба В.Д. Претворение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми, 1985; Мочалов В.Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX века. М., 1958; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.

рех лет¹⁸. «Свободные поселяне» получали земельные наделы общей площадью от трех до семи десятин, а князья и представители дворянского сословия — до 250 десятин¹⁹. Традиционно находившиеся в общинной собственности лесные и пастбищные угодья передавались государственной казне, которая взимала определенную плату за их хозяйственное использование²⁰. Кроме того, «освобожденные» крестьяне должны были выполнять так называемые мирские повинности: ремонтировать дороги, строить школы и содержать церкви²¹. По мнению С.З. Лакоба, «крестьянская реформа лишь пошатнула традиционный ритм абхазской жизни... многие пункты... так и остались на бумаге. В силу этого обстоятельства патриархальный облик абхазской общины мало изменился и в пореформенный период»²². Однако, как представляется, проведенные преобразования стали важным фактором, предопределившим в исторической перспективе последовательное разрушение традиционных общественных институтов. Законодательное закрепление особых прав дворянского сословия в области землевладения ускорило наметившееся развитие социальной стратификации в абхазском обществе, а также способствовало постепенной трансформации натурально-потребительского характера местного сельскохозяйственного производства. Внешний облик традиционной общины действительно претерпел незначительные изменения, но в ее внутренней жизни началось непрерывное действие модернизационных процессов, которое не завершилось и в настоящее время.

В основном формирование капиталистических отношений в аграрном секторе рассматриваемого региона осуществлялось в рамках земельных владений, принадлежавших различным по социальному статусу и этнической принадлежности переселенцам. Быстрыми темпами развивалась российская дворянская колонизация, ведущие участники которой только в Гумистинском участке, Дальском ущелье и Цебельде получили от местной администрации более 27000 десятин земли²³. Определенные льготы предоставлялись и менее знатным переселенцам, получавшим земельные участки от пяти до тридцати десятин и денежные пособия, а также временно освобождавшимся от отдельных налоговых сборов²⁴. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что далеко не все высокопоставленные колонисты уделяли особое внимание новым имениям и стремились к быстрому развитию товарного сельскохозяйственного производства. По мнению К.Д. Мачавариани, «многие из этих владельцев положительно незнакомы с высочайше дарованными им землями и ни разу не приезжали, чтобы воочию увидеть богатейшие свои владения»²⁵. Однако, активная хозяйственная деятельность русских, греческих и армянских переселенцев, подкрепленная финансовыми вложе-

¹⁸ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Там же. С. 34.

²² Там же. С. 34.

²³ Там же. С. 48.

²⁴ См., например, Исмаил-заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е гг. XIX в. — начало XX в.). М., 1982.

²⁵ Мачавариани К.Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. С. 128.

ниями отечественных предпринимателей, способствовала интенсивному развитию табаководства, виноградарства и целого ряда других отраслей аграрного производства. В частности, к 1893 г. объем местного табака, вывозимого через морские порты, достиг 48000 пудов²⁶. Таким образом, модернизация сельского хозяйства в рассматриваемом регионе осуществлялась достаточно быстрыми темпами, причем характерной особенностью указанного процесса являлась преобладающая роль привлеченных колонистов в комплексном развитии соответствующих отраслей. Автохтонное население в значительной мере сохраняло традиционный уклад хозяйственной деятельности, но в его объективном содержании уже наметились четкие контуры перспективных изменений, реализовавшихся в рамках последующих исторических периодов.

Важным аспектом модернизационных процессов в исследуемом регионе является качественное изменение характера и динамики культурного развития абхазского общества, связанное с последовательным формированием особой системы первоначального образования и своеобразной местной интеллигенции²⁷. На современном этапе разработки теоретических проблем теории модернизации особая роль отводится комплексной оценке принципиальных изменений в духовной культуре общественного коллектива, так как именно они в значительной степени детерминируют социально-экономические и политические преобразования. Как представляется, модернизационные процессы в культурной сфере жизнедеятельности абхазского общества развивались по двум направлениям, сформировавшимся отчасти под воздействием внешних факторов. В рамках первого из них, связанного с целенаправленным формированием местной системы начального образования, необходимо выделить создание особых «горских» школ, предназначенных для непрерывной подготовки низших чиновников российской гражданской администрации. В период обучения представители местного населения находились во временной изоляции и утрачивали реальную связь с традиционными общественными институтами, что в перспективе приводило к качественному изменению их индивидуального мировоззрения. Они адаптировались к новой социальной среде и становились неосознанными проводниками модернизационных процессов, связанных с различными областями функционирования исследуемого социума.

Второе направление модернизации в рассматриваемой области связано с постепенным складыванием абхазской интеллигенции, объединявшей отдельных носителей культурных традиций предшествующей эпохи и представителей новой политической элиты, сформировавшейся под непосредственным контролем царской администрации. Несомненное влияние на длительный процесс формирования указанной социальной группы оказали выдающиеся представители российской культуры: декабристы А.А. Бестужев-Марлинский и А.И. Одоевский, художники В.В. Верещагин и И.Е. Ре-

²⁶ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 41.

²⁷ См., например, Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979; История Абхазии. Гудаута, 1993; Дудко А.П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917). Сухуми, 1956.

пин, писатели А.П. Чехов и А.М. Горький²⁸. Следует признать, что абхазская интеллигенция в период первичной модернизации являлась лишь незначительной общественной прослойкой, которая не могла оказывать существенное воздействие на институциональные преобразования внутри горских социумов. Однако, появление подобной социальной группы, включавшей и представителей традиционной культуры, свидетельствует о глубоких внутренних изменениях, непосредственно связанных с комплексным развитием инкорпорационных и модернизационных процессов.

Таким образом, исследуемая модель региональной модернизации имеет целый ряд специфических особенностей, объективное существование которых обусловлено реальным характером и динамикой местного исторического процесса. По-видимому, необходимо согласиться с мнением американского востоковеда Люсьена Пая, согласно которому процессы модернизации оказываются «бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы»²⁹. Как представляется, в результате первичной модернизации в рассматриваемом регионе сформировалась особая модель «переходного общества», теоретический анализ которой был проведен в известных трудах Ф. Ригса. По мнению американского исследователя, традиционная структура общественных институтов «под влиянием сил модернизации эволюционирует в социально-политическую систему нового типа и такая новая система, часто характеризуемая по-прежнему как традиционная или как переходная, вырабатывает свои собственные системные характеристики, образуя оригинальный механизм самовоспроизводства и поддержания стабильности, порождающий специфические национальные формы модернизации»³⁰. Объективной особенностью абхазского варианта «переходного общества» является то обстоятельство, что оно сформировалось в результате синхронного развития процессов модернизации и инкорпорации, содержание которых детерминировалось сложным комплексом внутренних и внешних факторов.

²⁸ См., например, Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979; Дамения И.К. Россия, Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX – начале XX века. СПб., 1994.

²⁹ Pye L. Politics, Personality and National Building. New Haven and London, 1962. P. 37.

³⁰ Riggs F. Administration in Developing Countries: The Theory of Prismatic Society. Boston, 1964. P. 85.